

СОЦИОЛОГИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ

С.И. Голод

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭРОТИКО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРОТЯЖЕНИИ XX В.

В статье на материале конкретно-социологических исследований рассматривается изменение половой морали и сексуальных практик молодежи в России на протяжении XX в. Первые годы столетия прошли под знаком сдержанности (слишком велико было влияние религии). Дальнейшую трансформацию автор характеризует как движение от эпохи эмансипации сексуальности 1920-х гг. к эпохе «запретности», связанной с экспансией государственных и партийных институтов в частную жизнь человека во второй половине XX в. При этом между 1930-ми и 1960-ми гг. обнаруживаются значительные колебания принципов сексуальной морали.

Ключевые слова: *сексуальные практики, половая мораль, нравственные ценности, семейные отношения*

Key words: *sexual practices, sexual morality, moral values, family relations.*

Эмпирические исследования сексуальных практик, проведенные медиками среди студенческой молодежи в начале XX в., положили начало пионерским и гуманным по своей природе, но, к сожалению, ныне позабытым и посему мало используемым в практических целях исследованиям.

В 1902 г. доктор В. Фавр обратился к студентам харьковских вузов с просьбой ответить на вопросы об источниках заражения венерическими заболе-

ваниями (Фавр 1910). В 1905 г. доцент Московского государственного университета М. Членов опросил более 2000 студентов. Его уже интересовал более широкий круг проблем, охватывающий период от первых поллюций и мастурбаций в жизни респондентов до мотивов и частоты сексуальных контактов (Членов 1907). В 1908 г. доктор Жбанков задал аналогичные вопросы учащимся педагогических, медицинских и фельдшерских курсов города Москвы (Жбанков 1922). Само собой разумеется, это были первые и довольно скромные опыты эмпирических опросов эротических практик. Вместе с тем надо помнить, что в начале XX в. в Европе опросы были еще в диковинку.

Кризис традиционных норм, смею утверждать, происходит только в эпохи радикальных социальных перемен, но даже в эти периоды они скорее «расшатываются» (отсюда широкое распространение так называемых «плебейских» нравов), чем бесследно исчезают. Данную гипотезу можно проверить на материалах последующего периода. И в самом деле, богатство источников новой эпохи (т.е. после октября 1917 г.) открывает широкое поле для тщательного анализа. Так, поколение исследователей 1920-х гг. продолжило поиск и обрисовало более выразительную картину преобразований, происходящих в области семейно-сексуальных отношений. При этом, как нам представляется, их методическое обеспечение было более тщательным и продуманным, чем инструментарий, применявшийся позднее в западной социологии.

Научная ценность и уникальность исследований этого периода заключалась прежде всего в том, что они пунктирно отследили «ломку» отжившей иудео-христианской морали и становление новых форм семейно-сексуальных отношений. Картину объективно противоречивую, в которой еще преобладали принципы «отрицания», однако при ближайшем рассмотрении в ней можно обнаружить, при всем критическом настрое, контуры нарождающегося подлинно гуманистического идеала.

Исследователь, поставивший перед собой задачу сравнить современную ситуацию (конца XX — начала XXI вв.) в сфере семейно-половой морали с результатами тех лет, помимо культурной отсталости населения, неустроенности быта, отсутствия сложившейся системы социального контроля должен учитывать и то обстоятельство, что в гигантском клокочущем котле, который являла собой послеоктябрьская Россия, всплывали на поверхность, сталкиваясь и нередко лопааясь, как мыльные пузыри, нравственно-политические декларации, выработанные различными социальными слоями и классами общества.

Что же касается принципов сексуальной морали, то здесь в полной мере подтвердилось любопытное наблюдение Ф. Энгельса: «<...> в каждом крупном революционном движении вопрос о “свободной любви” вы-

ступает на первый план. Для одних это — революционный прогресс, освобождение от старых традиционных уз, переставших быть необходимыми, для других — охотно принимаемое учение, удобно прикрывающее всякого рода свободные и легкие отношения между мужчиной и женщиной» (Маркс, Энгельс 1961: 8). Исходя из этого положения, становится отчасти понятной отраженная в массовом сознании тенденция к упрощению, схематизации социально-этических норм, выдвижение экстремальных взглядов на любовь.

Вот, кстати, одно из характерных высказываний того периода: «Старые гнилые устои семьи и брака рушатся и идут к полному уничтожению с каждым днем. Но нет никаких руководящих начал для создания новых красивых, здоровых отношений. Идет невообразимая вакханалия. Свободная любовь лучшими людьми понимается как свободный разврат» (Равич 1920: 23). Нет сомнения, что автор чрезмерно драматизирует ситуацию. О том же, в частности, свидетельствует теоретическое осмысление роли и места эроса в жизни молодого поколения, принадлежащего одному из выдающихся деятелей того времени — А.М. Коллонтай. Излагая свои взгляды в статье «Дорогу крылатому Эросу! (письмо трудящейся молодежи)», она утверждала, что сексуальное общение полов, подпитываемое исключительно физическим влечением, не окрашенное любовью или хотя бы временной страстью, должно категорически осуждаться. Далее она подчеркивала: будущие поколения не станут обращать особого внимания на форму любовных отношений — длительный (в том числе легитимный) союз или быстро проходящая страсть. Идеология рабочего класса, по ее убеждению, не ставит никаких внешних границ любви, но в то же время требовательна к ее содержанию, «к оттенкам чувств и переживаний, связывающих оба пола» (Коллонтай 1923: 121–124). Словом, суть пролетарского эроса заключена в сопряжении телесности, экспрессии и духа. Трудно пройти мимо этого тезиса. Многие десятилетия идеи одной из ярких представительниц женского освободительного движения замалчивались. Повидимому, скорее интуитивно, нежели осознанно, в них просматривалось нечто конкурирующее с традиционным православным аскетизмом, отождествлявшимся, в свою очередь, с высокой духовностью. Зададимся вопросом: почему «Крылатый Эрос»?

Коллонтай считала своим долгом приобщить пролетарскую молодежь к мировой культуре, в том числе к древнегреческой. Отсюда и ее обращение к идеям диалога «Пир». Платон, как известно, в восхищении красотой видел начало роста души. Действие красоты он изображает, развивая миф о крылатой природе души. Философский смысл этого мифа в том, что любовь к прекрасному рассматривается как восхождение, как движение познающего от незнания к знанию, от несущественного к существенному, от

небытия — к бытию. Любовь к прекрасному философ понимает как рост душевности, как приближение человека к истинно-сущему, как восхождение души по ступеням все возвышающейся реальности, как нарастание креативной производительной силы. Любовь к прекрасному есть путь, восхождение, поскольку не все прекрасные предметы в равной мере прекрасны и не все заслуживают равной любви. На первоначальной ступени «эротического» восхождения является какое-нибудь единичное прекрасное тело. Но избравший предметом своего стремления такое тело должен понять впоследствии, что красота отдельного человека родственна красоте всякого другого. Заметившему это надлежит стать поклонником всех прекрасных тел вообще. На следующей ступени «эротического» восхождения предпочтение отдается уже не телесной, а духовной красоте. Предпочитающий духовную красоту созерцает уже не красоту тела, но «красоту насущных дел и обычаев». Из этого созерцания он убеждается, что «все прекрасное родственно» и «будет считать красоту тела чем-то ничтожным». Еще более высокую ступень «эротического» восхождения к прекрасному образует постижение красоты знания. Наконец, укрепившись в этом виде познания, человек, возвышающийся по ступеням «эротического» восхождения, доходит до созерцания прекрасного в себе, или вида идеи прекрасного. На этом пределе «эротического знания» взором созерцающего открывается красота безусловная и безотносительная (Платон 1970: 142–143).

Вместе с тем А. Коллонтай, будучи человеком земным, отделяла возвышающие идеалы от реальных жизненных ценностей и специально подчеркивала, что гармония в общении мужчин и женщин наступит «в далеком коммунистическом обществе», а до той поры «на переломе двух культур» формирующаяся пролетарская мораль должна покоиться на трех основных китах: на (а) равенстве во взаимоотношениях, (б) взаимном признании прав другого без претензии владеть безраздельно его сердцем и на (в) товарищеской чуткости, умении прислушаться и понять работу души близкого и любимого человека.

Одновременно революционное законодательство упростило брачную процедуру, отменило всякие ограничения для вступления в брак, устранило прежние препятствия к разводу. Все это резко стимулировало рост браков и способствовало легализации старых, бывших прежде юридически неформальными, сожителств. В одной из первых книг по советскому семейному праву отмечалось «небывалое число браков, заключенных в Петрограде в 1919 г., несмотря на гражданскую войну, голод, эпидемию и т.д.» (Гойхбарг 1920: 65).

Указанное законодательство, создав предпосылки для новых семейных отношений, одновременно породило весьма острые и трудноразре-

шимые нравственные коллизии. «Советское законодательство разбило железные обручи, калечившие жизнь сотен и тысяч людей <...> Вступление в брак и выход из него стали совершенно свободны. Законодатель руководствовался, по-видимому, двоякого рода соображениями. Во-первых, он исходил из нравственной предпосылки свободы чувства, не подчиненной правовому регулированию. Во-вторых, советский законодатель не видел надобности в сохранении во что бы то ни стало прочности и нерушимости семьи, столь любимой сердцу всех буржуазных законодателей, как твердая опора собственности и порядка» (Ильинский 1924: 211–212). Вполне понятно, что одно лишь провозглашение свободы вступления в брак и такая же возможность его расторжения не могли автоматически привести к установлению гармоничных и здоровых отношений между супругами. Обнаружилось, что правовые нормы значительно опережали как реальный экономический уклад, на котором только и возможно было создать новые формы семейной жизни, так и социальную психологию и нравы людей, по своей природе несущие весьма ощутимый заряд косности и консерватизма.

Стало очевидным, что при переходе к новому — восстановительному периоду (конца 1920-х гг.), когда стала прорисовываться хозяйственно-потребительская функция семьи, революционно настроенная молодежь однозначно ассоциировала ее с возрождением мещанства.

Таковы некоторые общие соображения, которыми хотелось бы предвратить анализ результатов конкретно-социологических исследований половой морали 1920-х гг. в России.

Как и в любом историко-социологическом исследовании, рамки нашего обсуждения намного шире круга привлекаемых источников. По крайней мере, автор стремился реализовать определенную «сверхзадачу»: продемонстрировать не только итоговые цифры, но и стиль социологического мышления той поры. К этому периоду был накоплен хотя и небольшой, но все же опыт по опросу студенческой молодежи. Отсюда в выборе литературы не могли не сказаться некоторые «неформальные» критерии. В их числе тщательная методическая проработка опросов, их представительность, однородность выборочной совокупности, обеспечивающая корректность историко-социологических сравнений и, наконец, глубина и проблемность авторского мышления.

Наступила пора определиться с методами анализа — количественными или качественными. Акцент на качественный анализ означает игнорирование того факта, что Россия находилась в числе немногих европейских стран (наряду с Голландией и Германией), которые почувствовали необходимость перехода от клинических исследований к «полевым». Если их проигнорировать, то надо согласиться с американкой Л. Энгельштейн, которая оцени-

ла анализ российской сексуальности как «малоподвижный» и «заскорузлый» (Энгельштейн 1996: 20, 25, 29), т. е. в конечном счете согласиться с «познеровским» выводом о том, что в Советском Союзе секса не было вообще, который вылился из нарочито искаженного цитирования первоисточника псевдороссийским (или скорее американским) членом «нашего общества».

Теперь перейдем к тексту А. Темкиной (Темкина 2008). Она, вольно или невольно, «проглотила» весь дореволюционный период российского общества, и, разумеется, 20-е гг. XX столетия, в которых количественные исследования получили самое широкое распространение (от Гельмана и Ласса до Голосовкера и Гуревича) и, более того, даже проигнорировала сторонников качественных методов (такого выдающегося деятеля эмансипаторского движения, как А.М. Коллонтай). Посему, отдавая дань качественным методам, все же будем настаивать на первенстве количественных данных, при этом признавая сложность их получения не только в годы Советского Союза, но и в настоящее время, когда «все двери» как будто бы открыты, но при реальном «инерционном» их закрытии как в теоретическом смысле, так и на практике, несмотря на существование компьютеров и Интернета.

Отсюда удивительное обращение «качественников» к «хирургическому восстановлению девственности», хотя и здесь существуют данные чисто статистические, скажем, по Японии (или нарративы проведенного мною интервью о Средней Азии).

Скажем, что, как и в начале XX в., так и в 1920-е гг. все исследователи не являлись социологами в прямом смысле этого слова, а были медиками, юристами, статистиками и т. д. Этим, очевидно, и объясняется подчас некорректная постановка вопросов. Скажем, И. Гельман пытался с помощью «лобового» вопроса уяснить влияние социальной революции на уровень физиологической отзывчивости мужчин и женщин. В нашем тексте, как правило, используются опросы И. Гельмана, Д. Ласса, З. Гуревича и Ф. Гроссера, С. Голосовкера и М. Бараша. Разумеется, они не исчерпывают всей картины социологических разработок проблемы сексуальной морали в двадцатые годы. Тем не менее, названные источники существенно дополняют картину состояния нравов анализируемого периода.

Результаты исследований Гельмана, опросившего 1145 студентов и 338 студенток, показывают, что в нелегитимных сексуальных отношениях состояли 85 % первых и 53 % вторых (см. Гельман 1923: 59). По данным Ласса (опросившего 1590 студентов и 222 студенток) такие связи имели 88 % мужчин и 48 % женщин (см. Ласс 1928: 98). Показатели, приведенные Гуревичем, соответственно 95 % и 62 % (всего опрошено 1164 студента и 205 студенток (см. Гуревич, Гроссер 1930: 237). Бараш, опросивший

1280 молодых рабочих г. Москвы, установил, что «добрачный» сексуальный опыт имели 97 % респондентов (см. Бараш 1925). Статистика различных опросов, как видим, устойчивая и свидетельствует о широком распространении нелегитимных сексуальных практик среди студенческой и рабочей молодежи. Нельзя не отметить при этом одного важного обстоятельства. Хотя до начала XIX в. не проводилось массовых опросов, тем не менее, ни для кого в общем-то не была секретом вовлеченность юношей в сексуальную практику вне рамок института брака. Иное дело — девушки. Здесь исключение составляли проститутки. Сексуальные контакты «обычных» девушек до юридического оформления брака резко осуждались религиозными и светскими институтами, к нарушителям этого запрета применялись жесткие санкции. И «вдруг» выборочные данные засвидетельствовали: почти каждая вторая женщина имела такой опыт.

О возрасте вступления в дебютные сексуальные связи дают представление диаграммы на рис.1 и 2.

Для начала заметим, что количественные показатели, полученные исследователями в промежутке четырех лет, оказались устойчивыми. Среди мужчин, имевших сексуальные связи до официальной регистрации брака, каждый четвертый вступил в них до шестнадцатилетия, а наиболее часто эти практики приходились на возрастной интервал 16-18 лет. Женщины вовлекались в сексуальную жизнь, как правило, позднее, хотя уровень ее распространенности до совершеннолетия достаточно высок: от 20 % до 40 %, что свидетельствует о радикальных переменах в конструировании себя в качестве этических субъектов. Кстати, одним из подтверждений этой гипотезы может служить совпадение распространенности «промискуитетных»* эротических контактов у мужчин (58 %) и женщин (55 %) (см.: Гельман 1923: 67) (см. рис. 1 и 2).

Количественные индексы дополняются в анализируемых выборках качественными социально-психологическими характеристиками — мотивами вступления в дебютную сексуальную связь. Несмотря на широкий спектр побуждений, среди них выделяются доминирующие. У женщин это «любовь» (49 %), «увлечение» (38 %) и «любопытство» (20 %), у мужчин — «половая потребность» (54 %), «увлечение» (28 %) и «любопытство» (19 %).

* В данном случае понятие «промискуитет» употребляется условно, за отсутствием лучшего. Этот термин впервые ввел в научный обиход известный американский антрополог XIX в. Л. Морган. Он имел в виду социально неупорядоченные сексуальные отношения, которые якобы были распространены среди коренного населения Америки — ирокезов. Мы же его употребляем в том случае, когда сексуальные практики основаны по преимуществу на физиологическом влечении.

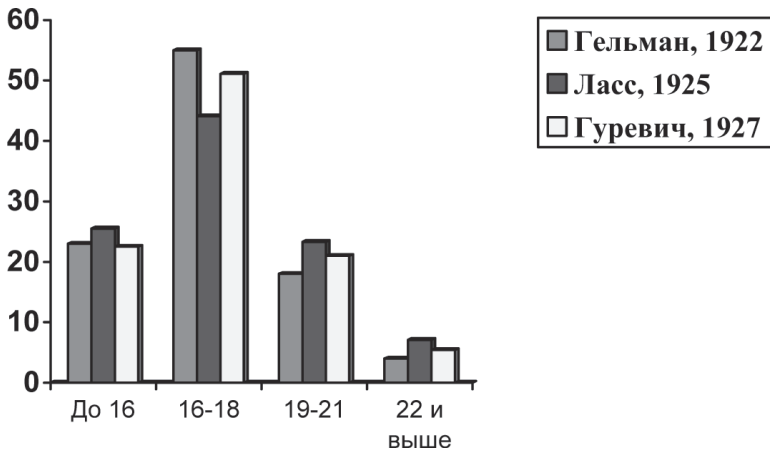

Рис. 1. Возраст вступления студентов в дебютные сексуальные контакты

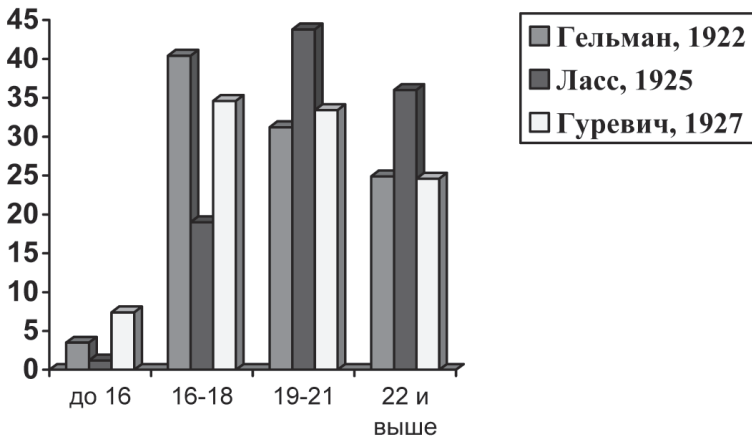

Рис. 2. Возраст вступления студенток в дебютные сексуальные контакты

Существенных различий в опросах 1922 и 1927 гг. не установлено. Интересны и сведения о том, с кем юноши и девушки имели первый сексуальный контакт (см. табл. 1).

Приведенные цифры позволяют проследить некоторые тенденции: устойчива традиция вступления женщин в дебютную связь с мужем/женихом, а мужчин — со случайной знакомой; в то же время наблюдается новое явление: женщины расширяют круг потенциальных партнеров за счет «же-

Таблица 1

**Тип партнера по дебютной сексуальной близости
в сопоставлении с полом респондента (в %)**

Пол Тип партнера	мужчины				женщины	
	Опрошены Гельманом 1922 г. 1145 чел.	Опрошены Барашем 1924 г. 1280 чел.	Опрошены Лассом 1925 г. 1590 чел.	Опрошены Гуревичем 1927 г. 1104 чел.	Опрошены Лассом 1925 г. 222 чел.	Опрошены Гуревичем 1927 г. 205 чел.
Жена/муж	3.7 ^x	22.6 ^{xx}	4.9	-	33.0	}54.9 ^x
Невеста/жених			3.8	4.4	26.1	
Сожительница/ сожитель (в т.ч.прислуга)	-		3.7	28.5	22.5	31.9
Случайная знакомая/ знакомый	65.9	50.1	63.0	53.3	18.0	11.3
Проститутка	28.4	20.0	13.8	9.0	-	-
Иное	2.0	7.3	10.8	8.5	0.4	2.9

^x Данные относятся к первым двум типам партнеров.

^{xx} Данные относятся к первым трем типам партнеров.

нихов» и «сожителей», тогда как мужчины сокращают контакты с проститутками.

Проституция как социальное явление постепенно шла на спад (см.: Гернет 1927: 88). В самом деле, сопоставление опросов разных лет показало: если до Первой мировой войны и Февральской революции почти 48 % молодых горожан начали сексуальную жизнь с проститутками, то в 1914–1917 гг. — 32 %, в 1918–1920 гг. — несколько более 16 %, а уже к 1921–1923 гг. — менее 4 %. Причем в дальнейшем услугами проституток пользовались до Октябрьской революции 51 % опрошенных мужчин, а после революции — 8 % (см. Голосенко, Голод 1998: 62)*. Вполне очевидно,

* К слову, тенденция к снижению уровня проституции была подмечена и в Западной Европе. Специалисты склонны объяснять сужение ареала проституции, во-первых, улучшением экономического положения населения большинства европейских стран, во-вторых, нравственной эмансипацией женщин. По мнению английского философа Б. Рассела, изживание викторианской морали ведет, в частности, к тому, что проституция утрачивает свое значение. Ход рассуждения этого философа таков. Раньше молодой человек был вынужден искать оплачиваемые случайные связи, те-

что снижение удельного веса «пользователей» услугами проституток происходило не без радикального изменения социальных структур и институтов.

Была создана правовая база — первый Уголовный кодекс РСФСР, в котором появляется ряд нормативов относительно охраны сексуального здоровья и занятия проституцией, а также принуждения к ней и сводничества. Этот документ с большей ясностью, чем прежде, определил законодательный подход к этому явлению, определенно признав ее как социальный недуг. Акцент в «борьбе» с проституцией был сделан не на объектах, а на субъектах, вовлекающих женщин в это ремесло — посредниках, сводниках, сутенерах, притоносодержателях (см.: Голосенко, Голод 1998: 79). Косвенно о кризисе этого «вековечного» института свидетельствует поиск самими потребителями приемлемых «замещающих институций». Ограничусь одной записью, сколь многоумной, столь и противоречивой, сделанной 22-летним рабочим-студентом в вопроснике Гельмана: «... половое сближение есть естественная потребность; но проявление ее находится в очень трудном положении ввиду наличия моральных препятствий, или: проще, незрелости нашего понятия по отношению к половому вопросу. На этой почве (надеюсь, поймете) в большинстве случаев происходят разные венерические болезни. И если мы считаем половые сношения естественной потребностью, и, кроме всего, это — закон природы, <...> если для последствий полового совокупления у нас устроены так называемые родильные дома, так почему же не устроить наоборот, дома совокупления (под этим не нужно понимать “дом терпимости”), положение которого таково: желающие удовлетворить свою потребность приходят, записываются, осматриваются тщательно врачом и т. д.» (Гельман 1923: 116). Скорее всего, этот молодой человек ратует за легитимизацию «промискуитета», подконтрольного исключительно врачебным принципам. Вот так просто, по мнению некоторых мужчин, можно было преодолеть эту публичную «занозу».

На самом деле вскрытые эмпирические закономерности в той или иной мере были обусловлены экономическими, социальными и нравственными преобразованиями в стране: восстановлением промышленного производства, вовлечением женщин в профессиональную деятельность, провозглашением равных социальных прав независимо от пола, трансформацией семейных моделей. Причем исследователями фактически не ставился вопрос

перь же перед ним открылась возможность вступить в сексуальное общение с девушкой своего круга. Эти отношения с обеих сторон лишены зависимости, а потому самооценны: здесь экспрессивное созвучие важно так же, как и телесное (см.: Russell 1929: 147).

о степени адекватности отражения этих преобразований в сексуальном поведении, поскольку для этого требовался более высокий социологический уровень анализа.

Особый интерес представляют ответы касательно адюльтера (прелюбодеяния) и его моральные оценки. Обсуждение этого вопроса имело особую важность в связи с тем, что некоторые юристы отстаивали нейтральность правовой регистрации брака. Согласно Голосовкеру, возможность такой практики оправдывали около половины студенток, а реально в «параллельных» нелегитимных связях состояла каждая третья женщина (см.: Голосовкер 1925: 20). В. Бараш свидетельствует: 50 % из числа опрошенных рабочих-металлистов и машиностроителей имели такого рода отношения (см.: Бараш 1925: 145). Гурвичем была предпринята попытка построения типологий мотивов вовлечения в прелюбодеяние. Для мужчин наиболее значимыми оказались: «разлука с женой» (38 %), «увлечение» (25 %) и «неудовлетворенность семейной жизнью» (14 %); для женщин — «разлука с мужем» (38 %), «неудовлетворенность семейной жизнью» (21 %) и «неудовлетворенность половыми отношениями с супругом» (17 %) (см.: Гуревич, Гроссер 1930: 247). Последний мотив занимал существенное место и в ответах респонденток Ласса, а именно: на него указали 66 % женщин (см.: Ласс 1928: 147). В прежние годы такого уровня откровения со стороны «слабого» пола трудно себе было даже представить.

Не обошли вниманием исследователи еще два вида практик: мастурбацию и гомосексуализм. Всего лишь несколько штрихов.

По Гельману, мастурбировали около 53 % мужчин и 15 % женщин, тогда как среди студентов Московского университета — 74 % (см.: Членов 1907: 1072–1111), а среди слушательниц женских курсов — 52 % (Жбанков 1922: 14). Молодые люди назвали следующие факторы, содействовавшие проявлению такой сексуальной практики: во-первых, «внутренние побуждения», в частности, студенты Московского университета — 58 %, слушатели Коммунистического университета — 44 %, слушательницы того же университета — 42 %; во-вторых — «влияние товарищей (подруг)» соответственно 33 %, 37 %, 35 % и, в-третьих, «влияние литературы»: 8 %, 11 %, 15 %. На протяжении первой четверти XX в. соотношение мужских и женских «признаний» остается неизменным (см.: Гельман 1923: 29, 36). Насколько достоверны такого рода сведения, я покажу в дальнейшем.

Что касается гомосексуальности, то, согласно свидетельству М.М. Рубинштейна, в юности (13-15 лет) гомосексуальная идентификация фиксируется у 1,6 % мальчиков и 4,5 % девочек (Рубинштейн 1928: 75). В силу скудности исходных данных приведу уникальную для первых десятилетий запись, сделанную в вопроснике Гельмана. При сопоставле-

нии с наблюдениями Ип. Тарновского этот материал показывает малую «продвинутость» современников в понимании этиологии и психологии трибадизма.

Итак, слушательница университета из крестьянской семьи, 23-х лет пишет: первые сексуальные ощущения появились у нее на 18-м году — самопроизвольно. Онанизмом не занималась. Менструации начались с 17 лет и вызвали у нее страх и стыд. В 20 лет вступила в дебютный сексуальный контакт с мужем. В браке состояла шесть месяцев, развелась, так как сексуальные сношения были ей отвратительны. После развода относится к мужчинам как к товарищам. Но при этом не видит в них сексуальных партнеров. На 22-м году жизни смутно почувствовала душевную, психологическую и сексуальную нужду в женщине. С тех пор ее половая жизнь вошла в новую колею. Теперь сексуальность воспринимается ею как потребность, стала доставлять неведомое доселе эротическое удовольствие. Интервьюируемая контактирует с женщинами, сознавая себя при этом бучем*. Соответственно, подруги увлекаются ею, «любят» и ревнуют, чувствуя себя по отношению к исповедующейся — женщинами. Гомосексуальные отношения, по ее собственному признанию, играют в жизни, после общественной работы, — главную роль. Заканчивается исповедь так: хочу быть мужчиной. Жду с нетерпением того времени, когда открытия науки приведут к возможности кастрации и прививке мужских органов (см.: Гельман 1923: 120). Откровенное изложение респонденткой своей сексуальной идентичности вне клиники указывает на готовность, по меньшей мере, части гомосексуалов к открытому диалогу с обществом.

Представленный эмпирический материал свидетельствует скорее о радикальном кризисе традиционных норм и ценностей, нежели о выраженном становлении новых. Нелигитимные сексуальные связи, нет сомнения, перестали быть маскулинной «привилегией». Обращает на себя внимание и то, что уже в эти годы проститутка как многовековая дебютная партнерша по сексуальным связям стала вытесняться «знакомой». Отношения с последней, во-первых, принципиально исключали куплю-продажу тела и, во-вторых, оказывались не столь духовно и эмоционально отчужденными, хотя в их основе еще по-прежнему лежало психофизиологическое влечение (стремление к релаксации), чаще с обеих сторон. Одновременно небольшое, но заметно возрастающее число респондентов, интенсифицируя эмоциональные сопереживания, начинают сексуальную практику если не с женой, то с «невестой» или, говоря на современном молодежном сленге, — «girl/boy-friend'ом». Сексуальная жизнь женщин-студенток конструировалась ими по преимуществу таким образом, что ее в значительной

* Буч — активный, агрессивный субъект гомосексуального общения.

мере можно отождествить с браком или самоценным экспрессивным партнерством.

Наряду с этим около пятой доли связей возникло у студенток скорее ради снятия эмоционально-психологического стресса. Оба пола стали допускать возможность адюльтера. С этого момента начинает просматриваться тенденция *автономизации сексуальности от брачности*.

Налицо обозначилась весьма пестрая картина нравов, в которой можно увидеть и поиски глубокого человеческого счастья, и одновременное метание и манифестируемость безликости. Много было наносного, чужеродного, но в то же время пробивало себе дорогу главное — осуществлялся переход от двойной к единой сексуальной морали. Ее формирование шло трудным путем. С одной стороны, свобода сексуального выбора распространилась на оба пола, что само по себе было глубоко символично, с другой — женщины усваивали традиционные «мужские» стандарты. Карикатурность стремления представительниц «прекрасной» части человечества добиться экспрессивной эмансипации копированием худших маскулинных образцов была несомненна. Такой «эмансипаторский стиль» поведения мог бы стать шагом к утрате гендерной специфики, эмоциональному «трансвестизму», торжеству однополости.

И хотя трудно, да, пожалуй, и вовсе невозможно провести систематическое сравнение полученных в двадцатых годах XX в. результатов с данными опросов начала века, все же совсем проигнорировать эту процедуру было бы неверно. Отметим следующее. Уровень вовлеченности мужчин в нелегитимные сексуальные практики остается в целом неизменным, тогда как у женщин он возрос в 4-5 раз. Фиксируется снижение возрастной границы дебютных сексуальных контактов, соответственно, видоизменяется шкала мотивов, в частности, в эти годы значительное место у мужчин и женщин занимает «любопытство» (вуайеризм) как фактор, провоцирующий сближение полов. Стабильным остается преобладание у молодых людей (независимо от пола) «промискуитетных» связей.

Совокупность полученных эмпирических данных указывает на явные признаки отхода от центрирования сексуальности на matrimониальном поведении.

Теоретический анализ собранного исследователями двадцатых годов эмпирического материала оказался для них непосильной задачей. Им не удалось корректно установить основные эмпирические зависимости, а тем более «вписать» подмеченные поведенческие новации в конкретно-исторический и общекультурный контекст. И, тем не менее, массовые опросы молодого поколения опровергли крайние позиции как о господстве «невообразимой вакханалии», так и о возобладании «красивых, здоровых отношений». Больше того, полнокровное понимание происходящих трансформаций эроса

оказалось не по плечу даже европейски образованным общественным деятелям (таким, как, например, Н. Бухарин, Н. Крупская, Е. Преображенский, С. Смидович, А. Сольц и др.), которых трудно заподозрить в консерватизме и зашоренности.

Камень преткновения — выработка нетривиального критерия моральности сексуальной интеракции полов. Для подтверждения этой мысли, пожалуй, достаточно воспроизвести несколько выдержек из текста Наркома просвещения тех лет А.В. Луначарского. «Я думаю, — писал он, — что в области пола мы должны говорить не о морали, а о свободе, и в ответ на джентльменское заявление, что это смердяковщина, мы должны говорить, что свободе разнузданного человека мы противопоставляем коммунистическое просвещение» (Луначарский 1923: 136). Красивый пассаж, не правда ли, но, к сожалению, трудно поддается однозначной интерпретации. Впрочем, дело не совсем безнадежно. Свобода на основе «коммунистического просвещения» — это, по-видимому, не отбрасывание морали как таковой, а лишь особое ее понимание: открытость, плюральность сексуальных практик и равная интернальная ответственность мужчин и женщин. Луначарский и в дальнейшем неоднократно выступал против опошления частью молодых людей любовного чувства и сведения его до уровня физиологической разрядки, ассоциирования душевных переживаний с «телячьими нежностями». Приравнивание любви к пустякам приводит, по словам наркома, «с одной стороны, к аскетизму», неправомерному пренебрежению ею, с другой — «получается такое отношение: “почему бы не пошалить?” Теряется отношение к любви как акту торжественному, как вещи необычайной важности и необычайной радости» (Луначарский 1927: 12).

Правда, эти споры были не просто теоретическими упражнениями. Они велись страстно и безапелляционно, поскольку отражали жизненные реалии.

Еще более определенно и однозначно высказался по этому поводу вождь Октябрьской революции В.И. Ленин: «когда начинает гибнуть общественный мир <...> чувство отдельного человека быстро видоизменяется. Подхлестывающая жажда разнообразия в наслаждениях легко приобретает безудержную силу <...> В области брака и половых отношениях близится революция, созвучная пролетарской революции» (Цеткин 1979: 45). Эти гипотезы в основном подтвердились при анализе сексуального взаимодействия мужчин и женщин 1920-х гг.

Вместе с тем надо отметить, что исследователи послереволюционных лет зафиксировали лишь часть спектра перемен, а именно ту, которая благодаря «взрывному» (дионисийскому) характеру проявилась на поверхности. Другая — детерминированная фундаментальными социальными сдвига-

ми — была не столь прозрачна. На этом уровне подспудно меняются структура и функции эротико-сексуальных отношений, но при этом процесс протекал нелинейно: то затухает (подчас «отступает»), то вновь пробивает себе дорогу. Отсюда периодическое снижение открытого интереса к эротике воспринималось массовым сознанием как достижение гармонии. В реальности такой «благодати» на протяжении всего XX столетия — утверждаю, забегая вперед, — достигнуть не удавалось.

В следующие десятилетия ситуация резко изменилась. Закрыли Психоаналитический институт, сексуальное просвещение молодежи полностью заменилось «половым воспитанием», в противодействии проституции возобладали худшие приемы и методы из дореволюционного прошлого (см.: Голосенко, Голод 1998: 86–87), канули в Лету на многие десятилетия вплоть до середины 1960-х гг. массовые эмпирические исследования. Существенно сократилось количество и изменилась направленность публикаций. Вышли всего две книги (очевидно, по инерции), посвященные проституции (см. Броннер 1931; Ласс 1931), другие немногочисленные работы по проблемам сексуальности могут быть отнесены скорее к области физиологии (см.: Иванов-Смоленский 1933; Попов 1935; Сумбаев 1936).

Правда, вовсе затормозить развитие научной мысли не удалось: 2-3 десятилетия спустя вновь появились более или менее примечательные публикации по медицине пола (см.: Васильченко 1956; Свядош 1967) и криминалистике (см.: Шаргородский 1953; Андреева 1960), а к середине столетия находим и первые обобщения социологов (см.: Кон 1966; Голод 1968; Харчев, Голод 1969).

Разумеется, упрочение (хотя, несомненно, временное) а-ля «пролетарского» стереотипа нельзя считать чем-то случайным; аскетизм — *in pise** не вызывал открытого отторжения у обывателя. Недаром же на протяжении нескольких лет среди обывателей восторжествовало понимание, что у нас (т. е. в России) «сексуальности нет».

Прискорбно для социологии, но с фактами не поспоришь: врачи, юристы и отчасти педагоги в начале 1960-х гг. вновь, как и на заре изучения социальных и социально-психологических аспектов сексуальности (рубеж XIX–XX вв.), составили ядро исследовательских кадров. Очевидно, поэтому результат оказался безоговорочно иным — «периферийность» проблем и малая научная продуктивность. Так, в материалах первой (после почти полувекового перерыва) научно-практической конференции по сексопатологии (организованной в конце 1960-х гг. Московским НИИ психиатрии) раздел «Вопросы организации сексологической помощи» (т. е. социальный) занимает лишь 10 страниц при общем объеме в 150 страниц. Указан-

* Букв.: в орехе (лат.), т.е. в сердцевине, в самом главном.

ное соотношение «нормы» и «патологии» само по себе настораживает: не происходит ли медикализация сексуальности? И все же в большей степени разочаровывает другое — качество текстов. Чтобы не быть голословным, процитирую два пассажа относительно так называемого полового воспитания. «Вопросы полового воспитания подростков, — замечает ведущий специалист лаборатории психологии Академии педагогических наук, — относятся к числу наименее разработанных в педагогике, медицине и психологии... Опыт проведения нами организационной работы в области полового воспитания убедил нас в том, что должна быть осуществлена плановая и повсеместная инструктивная подготовка педагогов и школьных врачей, с регулярной постановкой этих вопросов на педагогических советах, на родительских собраниях и т.д.» (Богданович 1969: 5–6). Не менее показательным и следующее суждение, взятое из того же сборника: «Обзор имеющейся литературы в СССР и за рубежом, касающейся полового воспитания дошкольников, свидетельствует о том, что данная область является совершенно неразработанной». И далее следует «собственное открытие» автора. «Истоки сексуальных нарушений у дошкольников нами изучены при детальном (?) знакомстве со 102 семьями. Полученные данные свидетельствуют, что и в раннем возрасте дети проявляют большую любознательность ко всему, что относится к сексуальным переживаниям» (Шевченко 1969: 14).

Оба участника так называемого научного форума — теоретик и практик — высказывают прописные истины: дети, оказывается, любознательны, проявляют открытый интерес к сексуальности с дошкольных лет, следовательно, их необходимо направлять в определенную нравственную колею. Логично задаться вопросом: как (или каким образом) организовать такой процесс? Ответ до банальности прост: «наладить повсеместное и систематическое инструктирование учителей и школьных врачей». Есть основания полагать, что одним из каналов «инструктажа» являются и печатные издания. Действительно, из 73 публикаций по социальным проблемам сексуальности, вышедших в течение 1960-х гг., 35 были посвящены вопросам «полового воспитания» детей и подростков. Количественные пропорции, учитывая отношение институтов власти к обсуждаемой проблеме, можно считать вполне удовлетворительными. В то же время необходимо констатировать, что авторы публикаций 1960-х гг. ни на йоту не продвинулись вперед относительно своих коллег, писавших на ту же тему в начале столетия и в 1920-е гг. (см.: Бернштейн 1908; Симонов 1920; Рубинштейн 1928). Психологи и врачи последних лет так и не смогли сформулировать, с *какого* возраста, *каким* образом, и главное, на *какой* нравственный идеал и ценности ориентировать подрастающее поколение.

Несмотря на отчаянное сопротивление отдельных этносов и религиозных учений, противостоять в конечном счете обновлению принципов сексуальной морали никому не удавалось. Сошлюсь для примера на пересмотр понятия «девственность». Это понятие, как известно, высоко ценилось до определенного момента всеми конфессиями. Одни из них пересматривали отношение к ней ранее, другие — позднее. Так, например, для КНР (т.е. конфуцианцев) характерен крайне низкий уровень «добрачных» половых практик для обоих полов: для мужчин — 14 %, для женщин — 7 % (опрос был проведен в 1989–1990 гг.). Вместе с тем о неизбежных изменениях сексуального поведения свидетельствует наличие у китайской молодежи умонастроений, аналогичных тем, что наблюдались в Европе конца 1960-х гг. (а впоследствии в 1970-х гг. и в Советском Союзе) перед началом либерализации сексуальности: при низком уровне актуальных сексуальных связей «допустимыми» их признают при наличии любви и консенсуса 87 % мужчин и 66 % женщин, а отсутствие девственности у будущего партнера/партнерши в браке не смущает 62 % мужчин и 68 % женщин (см.: Schmidt 2002: 45). Другими словами, переоценка понятия «девственность» была важна для определенных слоев населения.

В то же время нельзя умолчать об инертности этой традиции для определенных религий и каст. Акцентирование внимания сословного мнения на сверхценности «девственности» подталкивало некоторых женщин вплоть до второй половины XX в. к парадоксальным действиям. Одна часть молодых особ, стремясь сохранить «физическую целостность», ограничивала эротическую практику оральным и (или) анальными контактами, другая — прибегала к искусственному восстановлению плевы. Согласно интервью владельца хирургической клиники Фумихиро Умэдзава, данного газете «Дейли Йомиури» (февраль 1975 г.), число клиенток, желавших подвергнуться операции по восстановлению девственной плевы, постепенно падало. Так, если в с 1950-1960-е гг. еженедельно в клинике производилось около ста операций, то в середине 1970-х гг. — только десять. Газета сообщала, что к такого рода операциям прибегают в настоящее время главным образом женщины, принадлежащие к высшим слоям общества, склонным к бракам «по сговору», при заключении которых, как известно специалистам, девственность считалась одним из важных достоинств невесты. Главная цель представителей знати, согласившихся на эту операцию, состояла в том, чтобы замести следы своей прежней «разгульной» жизни и после замужества «войти с достоинством в консервативно настроенные круги японского общества» (см.: Латышев 1985: 31).

Несколько позднее (к началу 1980-х гг.) обычай «восстановления» девственной плевы проявил себя и на территории среднеазиатских республик Советского Союза. По крайней мере, эту проблему со мною обсуждали заин-

тересованно и по собственной инициативе работники Ашхабадского обкома комсомола. Их озабоченность понятна: часть (и немалая) браков заключалась в республике «по сватовству», был в ходу и обычай обнародования результатов первой супружеской ночи, — все это создавало в молодежной среде эффект «сжавшейся пружины», ожидания бурного конфликта со старшими поколениями.

Наконец, для полноты завершения указанного принципа остановлюсь на еще одном примере из моей «частной» практики. У женщин разноразличенность взглядов на ценность «девственности» неоспорима, мужчины же принципиально более инертны, они во что бы то ни стало отстаивали незыблемость «мачистских» традиций. В ответ на мою публикацию заметки о «роли девственности» в латышском научно-популярном журнале «Наука и техника» (см. Голод 1969) я получил «отповедное» письмо от подписчика из Грузии. Читатель искренне проповедует следующее: «Сохранение девственности женщиной до момента бракосаключения имеет огромное значение, и не только физиологическое, но и морально-нравственное. Надо внимательно относиться к тому обстоятельству, что они [жених и невеста — С.Г.], несмотря на свое влечение друг к другу, потребность в физической близости, перебороли себя, не поддались искушению и на семейный алтарь принесли нетронутую чистоту невесты». Недвусмысленность представленной позиции, убежден, исключает необходимость пространного комментария. Здесь мы имеем дело с ярко выраженным мужским шовинизмом, который, разумеется, присущ не только патриархально выпестованным грузинам, но и другим «кавказским» народам.

Обозревая эротическую сферу всего периода 1930-60-х гг. в целом, можно его охарактеризовать как наиболее бесцветный, противоречивый и в значительной мере «казарменный» в этической истории России XX в. На смену эпохе эмансипации сексуальности и последующего «дионисийства» 1920-х гг. пришла пора экспрессивной «евнуховидности». Нравственный «зонтик» скукожился, стал, по меньшей мере, маловыразительным и безальтернативным, сам же Эрос сделался не только «бескрылым», но и бесполом. Расширилась откровенная экспансия государственных и партийных (коммунистических) институтов в частную жизнь человека. Она проявилась, в частности, в обязательном юридическом оформлении браков, дифференциации детей на «законных» и «незаконных» (что, кстати, противоречило предложенному в 1924 г. А.М. Коллонтай одной из конкурирующих законодательных инициатив: против запрета абортов и негласного контроля за контрацептивами, ужесточения процедуры разводов и т. п.). Атеистическими методами внедрялись по сути ортодоксальные православные принципы: «девственность» как осо-

бый (высокий) стиль жизни, аморальность трансвестизма, юридическое преследование мужской педерастии и др. Больше того, любая научная «любопытность», стремление вскрыть трансформацию сексуальных норм и практик вызывали, в лучшем случае, настороженность и «глухие» санкции со стороны правящих элит.

В то же время, надо признать, что данная характеристика нравственной ситуации обща. При дифференцированном рассмотрении всего хронологического периода (т. е. первой половины XX в.) обнаруживаются значительные колебания принципов сексуальной морали, к примеру, между 1930-ми и 1960-ми гг. По-видимому, они (эти принципы) оказались намного чувствительнее к изменениям, происходящим в приватной, нежели в публичной сфере общества. Скажем, как ни покажется парадоксальным на первый взгляд, опросные свидетельства об эротических ориентациях молодых людей середины 1960-х гг. напоминают, порой даже принципиально тождественны ориентациям их сверстников сорокалетней давности (см. опросы Гельмана, Ласса и Гуревича) и более перmissивны относительно начала века (см. опросы Фавра и Членова).

Окончание следует.

Литература

- Андреева Л.* О понятии принуждения при изнасиловании // Правоведение. 1960. № 2. С. 14–16.
- Бараи В.* Половая жизнь рабочих Москвы // Венерология и дерматология. 1925. № 6: С. 137–147.
- Берштейн А.* Вопросы половой жизни (в программе семейного и школьного воспитания). М., 1908.
- Богданович Л.* Организация полового воспитания подростков // Вопросы сексopatологии. М.: Мин. здравоохранения РСФСР, 1969. С. 5–6.
- Броннер В.М.* Проституция и пути ее ликвидации. М.; Л.: Гос. мед. изд-во, 1931. 47 с.
- Васильченко Г.* Патогенетические механизмы импотенции. М.: Медгиз, 1956. 172 с.
- Гельман И.* Половая жизнь современной молодежи: Опыт социально-биологического исследования. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 149 с.
- Гернет М.* К статистике проституции // Статистическое обозрение. 1927. № 7. С. 86–89.
- Голод С.* Город меняет моральные нормы // Наука и техника (Рига). 1968. № 11. С. 16–19.
- Голод С.* Ответ читателю. Об индивидуальной сексуальной свободе // Наука и техника (Рига). 1969. № 11. С. 32–33.
- Голосенко И., Голод С.* Социологические исследования проституции в России. История и современное состояние вопроса. СПб.: Петрополис, 1998. 126 с.
- Голосовкер С.* К вопросу о половом быте современной женщины. Казань, 1925. 23 с.

- Гойхбарг А. Брачное, семейное и опекуное право в Советской республике. 1920. 65 с.
- Гуревич З., Гроссер Ф. Проблема половой жизни. Харьков, 1930. 236 с.
- Жбанков Д. О половой жизни учащихся // Врачебное дело. 1922. № 10–12.
- Иванов-Смоленский А. Основные проблемы психофизиологии высшей нервной деятельности человека. М.: Л.: Медгиз, 1933. 574 с.
- Ильинский И. Право и быт // Красная новь. 1924. №№ 7–8. С. 211–212.
- Коллонтай А. Дорогу Крылатому Эросу! // Молодая гвардия. 1923. № 3. С. 121–124.
- Кон И. Половая мораль в свете социологии // Советская педагогика. 1966. № 12. С. 64–77.
- Латыхин И. Семейная жизнь японцев. М.: Наука, 1985.
- Ласс Д. Современное студенчество: Быт, половая жизнь. М.-Л.: Молодая гвардия. 1928. 216 с.
- Ласс Д. По пути к ликвидации проституции. М.: Изд-во НКСО, 1931.
- Луначарский А. Мораль и свобода // Красная новь. 1923. № 1. С. 130–136.
- Луначарский А. О быте. М.-Л.: Госиздат. 1927.
- Маркс К., Энгельс Ф. Книга откровения // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 30-ти томах. М.: Политиздат, 1961. Т. 21.
- Платон. Пир // Платон. Соч.: в 3 т. / Под общей ред. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1970. Т. 2.
- Попов Е. О классификации половых извращений // Проблемы психиатрии и психопатологии. М.: Биомедгиз, 1935. С. 5–6.
- Равич С. Борьба с проституцией в Петрограде // Коммунистка. 1920. № 1. С. 21–23.
- Рубинштейн М. Юность. М., 1928. 75 с.
- Святоц А. О некоторых биологических причинах по классификации аноргазмии женщины // Вопросы психиатрии, психотерапии и сексопатологии. Караганда, 1967. С. 119–121.
- Симонов И. Школа и половой вопрос. Пг.: 4я гостипография, 1920. 52 с.
- Сумбаев И. Психотерапия гомосексуализма // Советская психоневрология. 1936. № 3.
- Тарновский Ип. Извращения полового чувства у женщины. СПб., 1895. 163 с.
- Темкина А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб., 2008. 374 с.
- Фавр В. К вопросу о половых сношениях, о венерических болезнях и онанизме учащейся молодежи. Харьков, 1910.
- Харчев А., Голод С. Молодежь и брак // Человек и общество Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. Вып. VI. С. 125–142.
- Цеткин К. Из записной книжки // Воспоминание о В.И. Ленине. М.: Полит. лит-ра, 1979. Т. 5.
- Членов М. Половая перепись московского студенчества // Русский врач. № 31–32. 1907. С. 1072–1111.
- Шаргородский М. Ответственность за преступления против личности. Л.: Юридическая лит-ра, 1953.
- Шевченко Э. Задачи основ полового воспитания среди дошкольников // Вопросы сексопатологии: Труды НИИ психиатрии. М., 1969. С. 14–15.
- Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиск путей обновления России на рубеже XIX – XX веков / Пер. с англ. В. Павлова. М.: Терра, 1996.

Голод С.И. Трансформация эротико-эмоциональных отношений...

Russell B. Marriage and Morals. N.Y. 1929. 304 p.

Schmidt A. Lassen sich aus dem kulturellen Wandel von Sexualität und Familie in den westlichen Gesellschaften Tendenzen der zukünftigen Entwicklung in der Volksrepublik China ableiten? // Zeitschrift für Sexualforschung. 2002. No 1. Pp. 43–57.